

РУДОЛЬФ РАСПЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА
МЮНХГАУЗЕНА

Иллюстрации Анатолия Елисеева

эксмодетство
Москва
2025

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)
Р24

Распе, Рудольф Эрих.

Р24 Приключения барона Мюнхгаузена / Рудольф Распе ; иллюстрации Анатолия Елисеева ; [перевод с немецкого]. — Москва : Эксмо, 2025. — 144 с. : ил.

ISBN 978-5-04-205125-8

Удавалось ли вам когда-нибудь полетать на пушечном ядре? А увидеть грациозного оленя с вишнёвым деревом вместо рогов? А побывать на краю земли и примерить шкуру медведя? Если нет, то барон Мюнхгаузен с удовольствием расскажет об этих фантастических приключениях, ведь именно он стал их героем и спешит поделиться самым неожиданным. Барону нужны только верные слушатели и совсем немного времени для рассказа!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-04-205125-8

© А. М. Елисеев, иллюстрации, текст, 2025
© М. М. Столяров, послесловие, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

Я предпринял путешествие в Россию в середине зимы, рассчитывая, что по морозцу и снегу дороги на север от Германии, в Польше, Курляндии и Лифляндии, будут лучше, даже и без забот о них правительства. Я путешествовал верхом. Это, конечно, самый приятный способ передвижения, если лошадь и всадник хороши. Путешествуя таким образом, не рискуешь быть вынужденным останавливаться у каждого придорожного кабачка по желанию чувствующего жажду ямщика.

Я был одет очень легко, о чем тем более сожалел, чем дальше продвигался на северо-восток. Представьте только себе при такой жестокой погоде, в холодном климате бедного старика, дрожащего всем телом, который лежал на голой земле большой дороги в Польше, предоставленный на волю резкому ветру. Одежда старика едва

прикрывала его наготу. У меня сжалось сердце при виде этого бедного человека. Хотя я и сам замерз до мозга костей, но бросил ему свой плащ. В этот момент я как бы услышал голос, говоривший мне о поощрении моего поступка: это доброе дело не останется без награды! Я ехал дальше, пока не застигла меня ночь и тьма. Ни огонька, ни звука, которые свидетельствовали бы о близости деревни: вся окрестность, вдоль и поперек, была покрыта снегом, и я не видел ни дороги, ни тропинки. Усталый и измученный, решил я сойти с седла. Я привязал свою лошадь к чему-то высовывавшемуся из-под снега, похожему на вершину дерева. Ради безопасности я взял в руку один из моих пистолетов и растянулся на снегу. Я так хорошо спал, что открыл глаза, когда уже был совсем день. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что лежу посреди деревни, на церковном дворе. В первую минуту я не увидел своей лошади и вдруг услышал над собою ее ржание. Я поднял глаза и увидел, что доброе животное висело на вершине колокольни. Тогда мне сразу стало ясно, как все это произошло: я нашел деревню, сплошь занесенную снегом; ночью погода внезапно переменилась; когда я спал, то, по мере таяния снега, постепенно опускался на землю. То же, что я принял в темноте за вершину дерева, было не чем иным, как шпилем колокольни. Недолго думая, я взял пистолет, выстрелом пересек повод, снова счастливо овладел, таким образом, своей лошадью и продолжал путешествие.

В России не в обычае путешествовать зимою верхом на лошади. Так как основное мое правило — всегда сообразовываться с обычаями страны, в которой я нахожусь, то я взял маленькие сани, в одну лошадь, и бодро отправился в Санкт-Петербург. Не могу точно сказать — случилось ли это в Эстляндии или в Ингерманландии (так называемая «Ижорская земля», то есть иначе — часть Санкт-Петербургской губернии), но хорошо помню, что это произошло в темном лесу. Я увидел страшного волка, который, под влиянием сильнейшего голода, гнался за мной. Он скоро нагнал меня, и мне было невозможно уйти от него. Инстинктивно я лег в сани и предоставил лошади самой

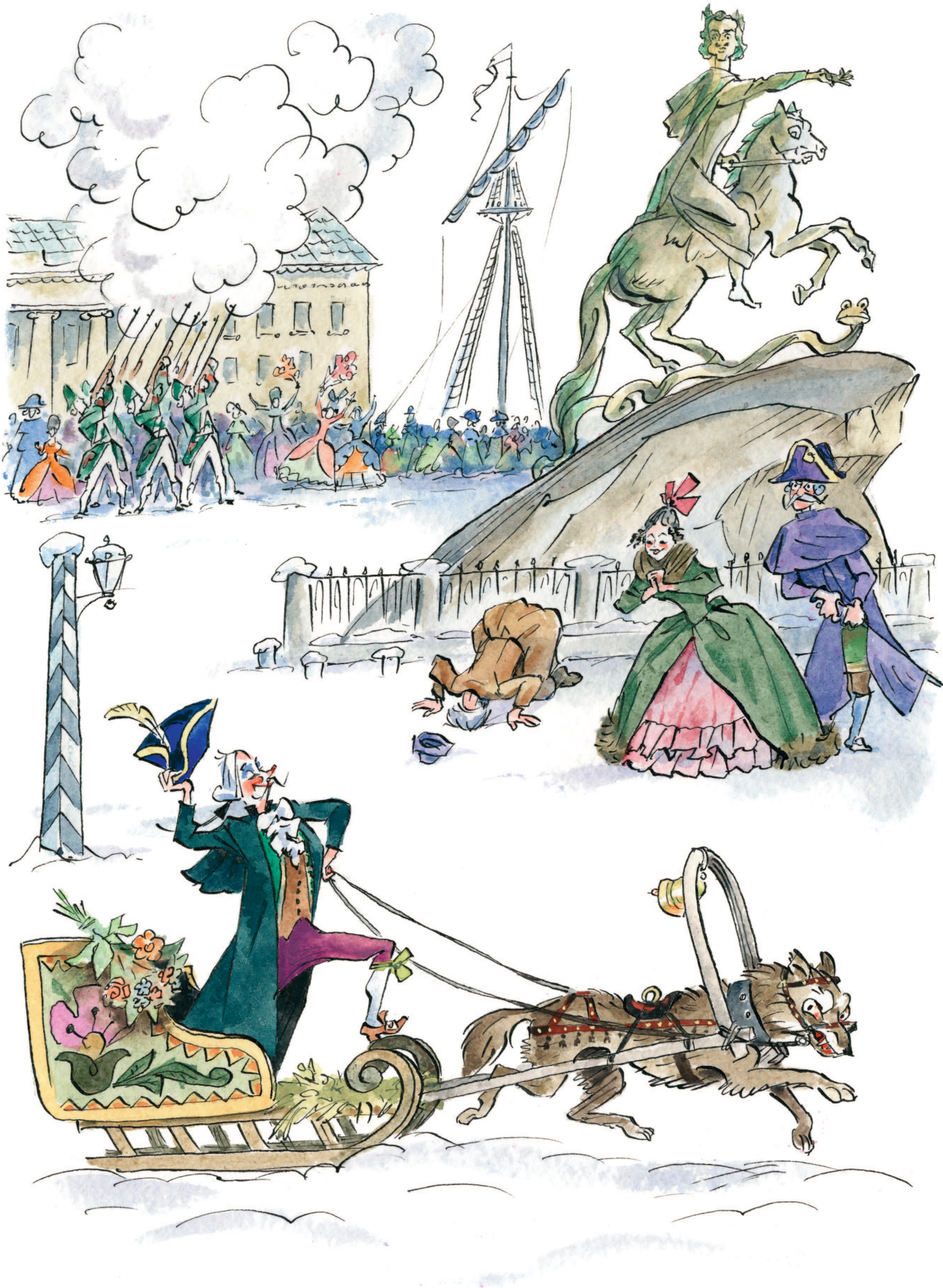
выпутываться из затруднения. Случилось то, чего я желал, но на что едва решался надеяться. Волк, не обращая ни малейшего внимания на мою ничтожную особу, перепрыгнул через меня, яростно набросился на лошадь и сожрал в несколько минут всю заднюю часть бедного животного, которое от боли и ужаса несло еще быстрее. Я был спасен. Подняв украдкой голову, я, к ужасу, увидел, что волк, так сказать, вошел внутрь лошади. Случай был слишком благоприятен, чтобы упустить его. Недолго раздумывая, я схватил кнут и начал изо всех сил обрабатывать им волка. Этот неожиданный десерт не вызвал в нем особенного испуга. Он яростно бросился вперед, труп моей

лошади упал на землю, и — о чудо! — волк впрягся вместо лошади. Я же, со своей стороны, сильнее и сильнее действовал кнутом, и так как бешеный его бег продолжался, то в самом непродолжительном времени мы благополучно прибыли в Санкт-Петербург, к немалому удивлению прохожих.

Я не хочу наскучить болтовней о нравах, искусствах, науках и других особенностях этой блестящей столицы России, а тем более — утомлять описанием интриг и приключений, столь обычных в каждом высшем свете, где дамы оказывают иностранцам такое щедрое гостеприимство.

Я предпочитаю обратить внимание на предметы иного рода, как то: на лошадей и собак, к которым я всегда питал особенное пристрастие, а также на лисиц, волков и медведей, которыми, как и вообще дичью всякого рода, Россия изобилует больше, чем какая-либо иная страна. Наконец, я бы желал поговорить об удовольствиях, рыцарских упражнениях и блестящих подвигах, гораздо лучше украшающих дворянина, чем несколько греческих и латинских отрывков, с таким большим трудом заучиваемых в школе.

Так как прошло некоторое время, прежде чем я поступил на службу в армию, то у меня было несколько месяцев, во время которых я мог самым благородным образом пользоваться своей свободой, досугом, временем и деньгами. Я провел много ночей за игорным столом под звон полных бокалов. Суровость климата и обычаи нации поставили бутылку в необыкновенно важное социальное положение, которого она не имеет в нашей воздержанной Германии. Я знал в Германии людей, которых можно было счесть за совершенных виртуозов в искусстве пить. Но все они были просто ничтожеством в сравнении со старым генералом с прыщеватым носом, обедавшим с нами за общим столом. Этот храбрый человек лишился во время битвы с турками верхней части черепа, так что, когда ему представляли иностранца, он вежливейшим образом извинялся перед ним, что не снимет за столом шляпы. Он имел привычку выпивать во время еды несколько бутылок вишневой водки и в заключение осушать еще бутылку арака, при некоторых обстоятельствах даже удваивал дозу. Несмотря на это, невозможно было заметить в нем ни малейшего следа опьянения. Без сомнения, это кажется невероятным. Мне это также долго казалось таким, пока, наконец, я не напал на след причин самого явления. Однажды я случайно нашел ключ к этой странной загадке. Добрейший

генерал имел привычку время от времени приподнимать свою шляпу. Я часто замечал это, но не придавал никакого значения. Не было ничего странного в том, что ему было жарко и он желал освежить голову. Но потом я заметил, что, приподнимая шляпу, он в то же время приподнимал находившуюся под ней серебряную пластинку, заменявшую ему череп. Тогда пары спиртных напитков, поглощенных им, улетали чуть заметным облачком. Загадка была разгадана. Я рассказал об этом открытии двоим из своих друзей и предложил им убедиться в верности моего наблюдения. Однажды вечером я стал со своей трубкой у сто-

ла позади генерала; в тот момент, как он приподнял шляпу, я поднес кусочек пылающей бумаги к поднимающимся вверх клубам спиртных паров. Мы насладились столь же новым, сколько и удивительным зрелищем. Я превратил табачный дым в пламя, поднимавшееся над генералом; спиртные же пары, задержанные волосами старика, образовали вокруг него голубоватый ореол. Мой опыт не мог ускользнуть от генерала, но он несколько не сердился за это. Напротив, генерал часто позволял повторять этот маневр, придававший ему такую почтенную наружность. И как только за столом появлялся новый человек, ему сейчас же показывали это зрелище. Чтобы сделать его еще более блестящим, держали пари на бутылку арака, которую мы предоставляли пить одному генералу.

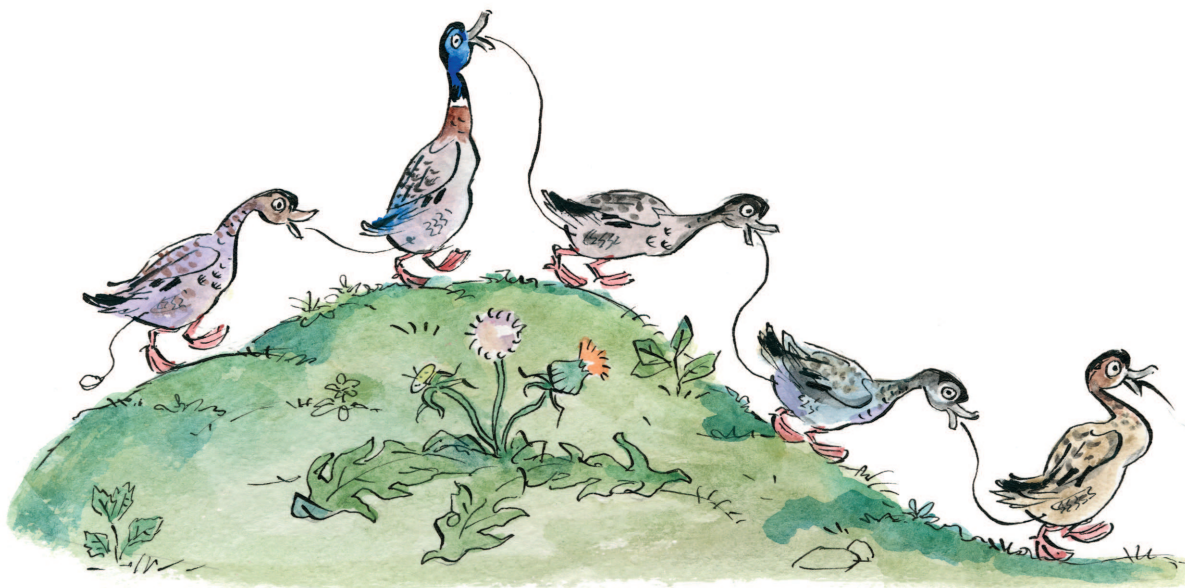
ВЕЧЕР ВТОРОЙ

Я обхожу молчанием различные веселые приключения, в которых мы, смотря по обстоятельствам, были или зрителями, или действующими лицами. Подобные вещи случаются повсюду, и я расскажу лучше гораздо более удивительные и интересные охотничьи происшествия.

Мне не нужно говорить, что мое любимое общество состояло из людей, имеющих большое пристрастие к благородному развлечению — охоте. Особенные обстоятельства, окружающие все мои приключения, счастье, сопровождавшее все мои предприятия, смело могут сообщить особенную прелесть воспоминаниям моей жизни.

Однажды утром увидел я из окна своей спальни, что пруд, находившийся недалеко от меня, был весь покрыт дикими утками. В одну минуту я достал из угла ружье и так поспешно бросился с лестницы,

что сильно ушиб лицо о косяк двери. Искры посыпались у меня из глаз, но я все же не стал терять ни секунды. Скоро я был уже на расстоянии ружейного выстрела от пруда, но, к величайшему отчаянию, поднимая ружье, я увидел, что вследствие сильного удара о дверь кремь из ружья вывалился. Между тем нельзя было терять времени. Я вспомнил, к счастью, о том, что случилось со мною за несколько минут перед этим. Открыв ту часть, на которую надевается кремь, я поднял ружье, прицелился в птиц, ударив себя кулаком в глаз. Вследствие сильного удара оттуда снова вылетели искры, грянул выстрел, и я убил пять пар уток, четыре куропатки и пару лысух. Доказательство, что самое главное в людских делах — присутствие духа.